

Янь Хан нахмурился: «То есть людей как минимум двое?»

Янь Хан немного нахмурился: «То есть людей как минимум двое?»

«Да, — сказал Цуй И, — но пока непонятно, связан ли этот хромой с прошлым делом. Возможно, его просто наняли в помощь».

— Да, — ответил Старик Цуй. — Но связан ли этот хромой с тем, что произошло тогда, пока неизвестно. Возможно, его просто наняли в помощь.

«Понятно, — Янь Хан ненадолго замешкался. — А по поводу отца Чу И есть какие-то зацепки?»

— Понял, — Янь Хан на секунду замешкался. — А по поводу отца Чу И есть зацепки?

«Нет, — сказал Цуй И. — Сейчас расследование ведётся в двух разных местах, трудностей много, да и лишнего нам сообщать не станут».

— Никаких, — сказал Старик Цуй. — Дело сейчас ведут в двух разных местах, сложностей полно, так что лишнего нам никто раскрывать не станет.

«Спасибо дядям-полицейским за их нелёгкий труд, — вздохнул Янь Хан. — Надеюсь, они смогут... поскорее поймать подозреваемых Чу и Яня».

— Тяжела дяденек-полицейских доля, — вздохнул Янь Хан. — Надеюсь, они смогут... поскорее поймать подозреваемых Чу и Яня.

«Я записал этот разговор и потом обязательно дам послушать господину Яню», — сказал Цуй И.

— Я записал, потом дам послушать гражданину Яню, — ответил Старик Цуй.

Янь Хан рассмеялся: «Блин».

Янь Хан усмехнулся:

— Чёрт.

Каждый раз, когда Чу И доставал ключ и открывал дверь квартиры Янь Хана, его охватывало удивительное ощущение радости.

Каждый раз, когда Чу И доставал ключ и открывал дверь в квартиру Янь Хана, его накрывало удивительно приятное чувство.

И дело было не только в том, что это дом Янь Хана, но и в том, что здесь оставалось всё больше его собственных следов: в шкафу висело несколько сменных вещей, рядом со раковиной лежала зубная щётка, которую Янь Хан приготовил для него, а ещё там стояли его домашние тапочки.

И дело было не только в том, что это был дом Янь Хана, а ещё и в том, что здесь оставалось всё больше его собственных следов: в шкафу висело несколько сменных вещей, возле раковины стояла зубная щётка, которую Янь Хан приготовил специально для него, да и домашние тапочки тоже были его.

Хотя это была всего лишь съёмная квартира, он чувствовал себя здесь куда счастливее, чем когда возвращался к себе домой.

Пусть это была всего лишь съёмная квартира, находиться здесь было куда приятнее, чем возвращаться к себе домой.

Сегодня закончились сессионные экзамены, и общежитие мгновенно опустело.

Сегодня закончились сессионные экзамены, и общежитие мгновенно опустело.

То, как всё пустело перед зимними каникулами, казалось куда более одиноким, чем во время празднования Дня образования КНР. В осенние праздники радость даровали сами выходные, а во время зимних каникул все думали лишь о «воссоединении с семьёй».

Затихшее перед зимними каникулами здание казалось гораздо более одиноким, чем во время Дня образования КНР. Осенние праздники воспринимались просто как отдых, а перед зимними каникулами все думали лишь об одном — об объединении с семьёй.

Поэтому Чу И тоже поспешил собрать вещи и вместе с основным потоком покинуть общежитие, до смерти боясь остаться самым последним.

Вот и Чу И спешно собрал вещи и сбежал вместе со всеми, ужасно боясь остаться самым последним.

Ему пока некогда было возвращаться «домой», но он мог хотя бы побудут вместе с Янь Ханом.

Ему временно некуда было возвращаться, но он мог хотя бы побыть с Янь Ханом.

«Как сдал?» — Янь Хан ещё не закончил работу и позвонил спросить, как успехи.

— Как сдал? — Янь Хан ещё не освободился с работы и позвонил узнать, как успехи.

«Никогда ещё... так хорошо не сдавал, — честно ответил Чу И. — Думаю, за спец... специальный предмет я могу получить мак... максимальный балл».

— Так хорошо я... ещё никогда не сдавал, — честно ответил Чу И. — Думаю, за спе... специальную часть смогу получить мак... максимальный балл.

«Ого, круто, — сказал Янь Хан. — Теперь ты прямо бульдог, вообще мощный».

— Ничего себе, — отозвался Янь Хан. — Настоящий бульдог стал, крутой до невозможности.

«Всё-таки беспородная... собака, — сказал Чу И. — Бульдоги не... некрасивые».

— Лучше про... простая дворовая, — возразил Чу И. — Бульдоги с виду... с виду некрасивые.

«Беспородные тоже красотой не блещут, глупые такие», — ответил Янь Хан.

— Дворняги тоже не сказать чтобы красавцы, глуповатые такие, — заметил Янь Хан.

«Дворняжки милые», — произнёс Чу И.

— Дворняжки милые, — настоял Чу И.

«Пару лет назад ты и правда был милым щеночком, — Янь Хан хмыкнул. — А с твоим нынешним ростом тебе не стыдно называть себя милым?»

— Вот пару лет назад ты и правда был милым, Сяо Гоу, — хмыкнул Янь Хан. — А с твоим нынешним ростом у тебя ещё хватает совести называть себя милым?

«Не стыдно», — ответил Чу И.

— Хватает, — ответил Чу И.

«...Ну ладно, милашка, — сказал Янь Хан. — Я скоро захвачу из ресторана две порции еды. Поедим и пойдём поможем старику Цую купить продуктов к Новому году. Тебе ведь сегодня ещё надо в кафе?»

— ...Ну ладно, милашка, — сдался Янь Хан. — Я скоро захвачу из ресторана две порции еды. Поедим и сходим купим кое-что к Новому году для Старика Цуя. Тебе же сегодня ещё нужно в кофейню?

«Угу, — отозвался Чу И. — Ещё пять дней».

— Угу, — отозвался Чу И. — Ещё пять дней.

Повесив трубку, Чу И лег на диван и стал листать телефон.

Повесив трубку, Чу И улегся на диван и стал листать телефон.

Чаще всего он сейчас просматривал микроблог братишки Синтяня.

Чаще всего он заходил на Weibo Старшего брата Синтяня.

С тех пор как братишка Синтянь случайно засветил лицо в прошлый раз, он превратился из вышедшего из моды фуд-блогера в настоящую интернет-знаменитость. Глядя, как с каждым днём растёт число подписчиков, Чу И поражался и думал, что ему, должно быть, накрутили фанатов свихнувшиеся фанатки.

С тех пор как Старший брат Синтянь случайно светил лицо, он из вышел из категории забытых фуд-блогеров и мгновенно превратился в популярность. Каждый день, наблюдая за приростом подписчиков, Чу И поражался и думал, что какая-нибудь свихнувшаяся фанатка наверняка накручивает ему ботов.

Однако комментарии всё равно были очень интересными.

Впрочем, комментарии всё равно было интересно читать.

Ему нравилось читать, что пишут девушки — они выражались очень мило.

Ему нравилось, как пишут девушки — они выражались очень мило.

— Какой уже день пошёл после того, как ты показал лицо и исчез? Из-за тоски у меня амнезия!

«Какой уже день он скрывается после того, как показал лицо? Я от тоски скоро память потеряю!»

— Брат Тянь, появись, пожалуйста! Мы сделаем вид, что не видели твоего красивого лица,

хорошо?

«Старший брат Сяо Тянь, покажись! Мы сделаем вид, что не видели твоего красивого лица, идет?»

— Да-да, в наших сердцах ты красавчик без лица!

«Именно! В наших сердцах ты красавчик без лица!»

— Короче говоря, бессовестный красавчик!

«Короче говоря — бессовестный красавчик!»

— Брат Тянь! Я такая заботливая, подрисовала тебе маску!

«Старший брат Сяо Тянь! Я заботливая, поэтому пририсовала тебе маску!»

Чу И долго смеялся над прикрепленным снизу фото. Во время той трансляции многие успели сделать скриншот той самой секунды, когда Янь Хан показал лицо, а потом появились самые разные варианты с плашками: маска, щенок, сердечко...

Чу И долго смеялся над прикрепленной картинкой. Во время той трансляции многие успели сделать скриншот той единственной секунды, когда мелькнуло лицо Янь Хана, и теперь в сети гуляли самые разные варианты цензуры: с нарисованной маской, с мордочкой щенка, с сердечками...

Чу И сохранил себе в телефон целую кучу таких картинок.

Чу И сохранил себе на телефон целую кучу таких фото.

То мгновение, когда Янь Хан показал лицо, он выглядел невероятно красавцем, хоть из-за сползшего шарфа на его лице и растерянность читалась.

В тот миг, когда Янь Хан появился в кадре, он выглядел очень красивым, пусть даже из-за случайно соскользнувшего шарфа на его лице застыло легкое растерянное выражение.

Выглядело это очень сексуально.

И смотрелся он крайне сексуально.

У Янь Хана были красивыми не только глаза и руки, но и губы. Чу И очень нравился маленький бугорок посередине его верхней губы, и каждый раз при взгляде на него возникало желание лизнуть.

У Янь Хана были красивыми не только глаза и руки, но и губы. Чу И очень любил разглядывать аккуратную птичку по центру его верхней губы — каждый раз, замечая её, ему хотелось к ней прикоснуться.

Девушки в комментариях называли это «губной жемчужиной».

Девушки в комментариях называли это «капелькой на губе».

Звучало это весьма сексуально.

Звучало это ужасно сексуально.

...Ах.

...Ах.

Чу И отложил телефон и уставился на люстру на потолке.

Чу И отложил телефон и уставился на люстру на потолке.

В комнате, должно быть, было слишком тепло — даже от взгляда на лампу возникала реакция.

В комнате, должно быть, было слишком тепло, раз даже от взгляда на обычную лампу возникал такой отклик.

Он вздохнул.

Он вздохнул.

Мысль, которая терзала его уже несколько месяцев, которую он так хотел опробовать на практике, но из-за трусости и отсутствия возможности так и не реализовал, снова всплыла в голове.

Мысль, которая мучила его уже несколько месяцев — которую он всё хотел воплотить в жизнь, но из-за отсутствия смелости и удобного случая так и не решился — вспыхнула с новой силой.

Он взглянул на маленькие будильники на столе: до возвращения Янь Хана ещё оставалось время.

Он мельком взглянул на настольный будильник: до возвращения Янь Хана ещё оставалось время.

Можно попробовать.

Можно попробовать.

Но ему было стыдно.

Но ему было неловко.

Хотя он и сам не понимал, чего тут стесняться — парни в общежитии устроили бы из этого целое соревнование, — ему всё равно было неловко.

Хотя, казалось бы, чего тут смущаться — парни в общежитии устроили бы из подобного целое соревнование, — ему всё равно было не по себе.

Он снова вздохнул, поправил штаны и повернулся лицом к спинке дивана.

Он снова вздохнул, потянул себя за пояс брюк и повернулся лицом к спинке дивана.

Он почувствовал знакомый запах Янь Хана.

И тут же почувствовал знакомый запах Янь Хана.

Это была одежда Янь Хана.

Это была его одежда.

Янь Хан не любил прибираться и часто бросал вещи прямо на диван. Сейчас перед самым носом Чу И висел его вязаный кардиган.

Янь Хан не отличался аккуратностью и часто бросал вещи куда попало. Прямо перед носом Чу И сейчас лежала его вязаная кофта.

Чу И уткнулся в него носом и глубоко вдохнул.

Чу И уткнулся в неё носом и глубоко вдохнул.

Там ощущался запах самого Янь Хана и едва уловимый аромат его привычного парфюма.

Запах самого Янь Хана переплетался с едва уловимым ароматом его привычного парфюма.

Чу И прикрыл глаза и залез рукой в штаны.

Чу И прикрыл глаза и запустил руку в штаны.

В тот самый момент, когда Янь Хан с двумя наборами стейков открыл дверь, из комнаты донёлся звук какого-то удара.

Едва Янь Хан открыл дверь, держа в руках два контейнера со стейками, как из глубины квартиры донёлся какой-то глухой звук.

Он мгновенно напрягся, распахнул дверь и крикнул: «Чу И!»

Он мгновенно напрягся, распахнул дверь настежь и крикнул:

— Чу И!

«А!» — тоже криком отозвался Чу И.

— А! — громко отозвался тот.

Вместе с тем Янь Хан успел заметить лишь спину Чу И, перемахивающего через журнальный столик по пути в туалет.

В ту же секунду Янь Хан успел лишь заметить, как Чу И одним махом перемахнул через журнальный столик и рванул в туалет.

Прямо как тогда в больнице, когда тот хромо́й рванул вперёд — движением ловким и гладким, словно льющаяся вода.

Движения его были настолько ловкими и стремительными, словно у того хромого, которого они видели в больнице.

Не успел Янь Хан толком понять, что происходит, как туалетная дверь с грохотом захлопнулась.

Прежде чем Янь Хан успел сообразить, что происходит, дверь ванной с грохотом захлопнулась.

Янь Хан с пакетами стейков в руках простоял у порога несколько секунд, прежде чем закрыть

входную дверь, положить еду на стол и подойти к туалету.

Янь Хан так и простоял с пакетом у порога несколько секунд, потрясённо хлопая глазами, и только потом толкнул входную дверь обратно, опустил стейки на стол и подошёл к ванной.

Внутри было тихо.

Внутри было тихо.

«Песель?» — Янь Хан пару раз постучал в дверь.

— Щенок? — Янь Хан пару раз постучал по косяку.

«Уходи», — произнёс Чу И изнутри, и в его голосе звучали твердость и хладнокровие.

— Уходи, — отозвался Чу И из-за двери. Голос его звучал непреклонно и холодно.

Янь Хан обомлел: «Ты мне говоришь уходить?»

Янь Хан обомлел:

— Ты это мне говоришь «уйди»?

«Да», — очень уверенно ответил Чу И.

— Да, — твердо подтвердил Чу И.

«Охренел совсем», — сказал Янь Хан.

— Ах ты ж блин, — выдохнул Янь Хан.

«Нет», — ответил Чу И.

— Никакой не блин, — пробормотал Чу И.

Янь Хан ничего не понял, но больше ничего говорить не стал и остался слушать у двери.

Янь Хан ничего не понял, но настаивать не стал и остался слушать у двери.

Спустя несколько секунд изнутри донёсся шум воды, похожий на звук стирки или трения полотенца.

Через пару секунд внутри зашумела вода — слышались звуки, будто кто-то усиленно застирывал полотенце или вещи.

Трудолюбивый батрак в момент возвращения хозяина решил стремительно улететь в туалет стирать вещи.

Усердный батрак в ту же секунду, как вернулся хозяин, решил вихрем мчаться в туалет — стирать бельё.

Какая удивительная и трогательная картина.

Какая невероятная и трогательная сознательность.

Хозяин стоял за дверью, скрестив руки на груди, и внезапно осознал, что догадался о произошедшем.

Хозяин скрестил руки на груди, стоя за дверью, и вдруг догадался, в чём дело.

И ему безудержно захотелось сдержать смешок.

Ему тут же стало смешно.

Но поскольку полной уверенности ещё не было, хозяин сдержал смех, чтобы хохотать во все горло уже после того, как убедится окончательно.

Но поскольку полной уверенности ещё не было, хозяин изо всех сил подавил смешок, решив от души посмеяться чуть позже, когда всё окончательно прояснится.

Примерно через две минуты щелкнул замок туалетной двери.

Минуты через две щелкнул замок.

Янь Хан отступил на шаг назад.

Янь Хан отступил на шаг назад.

Но дверь открылась не полностью, а лишь слегка приоткрылась, и из щёлочки высунулась голова Чу И.

Однако дверь не распахнулась полностью — лишь приоткрылась на узкую щель, из которой осторожно высунулась голова Чу И.

Увидев его, Чу И вытаращил глаза до предела: «Я так и знал!»

Заметив стоящего перед ним Янь Хана, тот мгновенно вытаращил глаза:

— Я так и знал!

«Что ты знал?» — со смехом спросил Янь Хан.

— Что ты знал? — усмехнулся Янь Хан.

«Знал, что ты не... ушёл!» — Чу И уставился на него.

— Знал, что ты не... не ушёл! — Чу И продолжал смеривать его сердитым взглядом.

«Я тебя спрошу: если бы я вот так выкинул фокус, — сказал Янь Хан, — а ты стоял снаружи, ты бы ушёл?»

— А я тебя спрошу: если бы я вот так же внезапно закрылся, — сказал Янь Хан, — ты бы на моем месте ушел?

Чу И посмотрел на него и спустя мгновение ответил: «Не ушёл бы».

Чу И пристально посмотрел на него и лишь спустя мгновение ответил:

— Не ушёл бы.

«Ну вот и всё, — сказал Янь Хан. — Я же должен убедиться, что с тобой всё в порядке?»

— Ну вот и всё, — подвёл итог Янь Хан. — Мне же надо убедиться, что с тобой всё в порядке.

«Со мной всё в порядке, — Чу И придержал дверь рукой. — Уходи».

— Со мной всё в порядке, — Чу И крепче перехватил край двери. — Уходи.

Янь Хан тут же заметил, что Чу И держит в руке какой-то мокрый комок постиранной одежды.

Янь Хан сразу заметил у него в руке скомканную мокрую ткань — постиранную вещицу.

Если глаза его не обманывали, это были трусы.

Если глаза его не обманывали, это были трусы.

Янь Хан изо всех сил сдержал смех и повернулся, чтобы уйти в гостиную.

Еле сдерживая сдавленный смех, Янь Хан развернулся и пошёл обратно в гостиную.

Не успел он дойти до дивана, чтобы сесть, как за спиной раздался топот и громкий крик Чу И: «Не оглядывайся!»

Не успел он сделать и нескольких шагов к дивану, как сзади раздался торопливый топот и отчаянный крик Чу И:

— Не оглядывайся!

Янь Хан оглянулся не сразу. Только когда шаги Чу И донеслись со стороны спальни, он слегка повернул голову и увидел его голые ноги.

Янь Хан повернулся не сразу. Дождавшись, пока шаги Чу И шмыгнут в сторону спальни, он лишь слегка приоткрыл угол обзора и успел заметить его голые ноги.

В руках у него были не только выстиранные трусы, но и здоровый серый комок — похоже, мокрые спортивные штаны.

В руках у того были не только выстиранные трусы, но и внушительный серый ком — по всей видимости, сырые спортивные штаны.

Янь Хан рухнул на диван, уткнулся лицом в собственную кофту и начал дико хохотать.

Янь Хан рухнул на диван, сгреб попавшуюся под руку кофту, уткнулся в нее лицом и забился в безудержном хохоте.

Он не хотел смеяться вслух, чтобы Чу И не услышал — всё-таки Чу И был человеком стеснительным, и быть застигнутым за таким делом для него было ужасно неловко.

Он не хотел смеяться вслух, чтобы Чу И не услышал — у того всё-таки слишком тонкая кожа, и быть застигнутым за подобным занятием являлось для него невероятно неловким испытанием.

Но он просто не мог сдержаться.

Но сдержать себя Янь Хан просто не мог.

Уткнувшись в одежду, он спустя долгое время всё-таки сумел подавить приступ смеха.

Просидев так в обнимку с одеждой добрых пару минут, он наконец давкой заставил себя успокоиться.

Когда он отбросил кофту в сторону, то обнаружил, что перед ним, насупившись, стоит Чу И.

Отбросив кофту в сторону, он увидел стоящего перед ним Чу И — тот хмурился, сдвинув брови.

Штаны он уже сменил.

Штаны на нем уже были новые.

«Пошли есть», — Янь Хан указал на большой пакет на журнальном столике.

— Пошли есть, — Янь Хан указал на увесистый пакет на столе.

<http://bllate.org/book/18095/1747765>